

УДК 81'37

СТРУКТУРНЫЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИСХОДНЫХ КОМПОЗИТОВ КАК ПРИЧИНА ПОЯВЛЕНИЯ ЭКЗОЦЕНТРИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НЕМЕЦКОЙ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

¹Нагамова Н.В., ²Чепурина И.В.

*ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Ставрополь, e-mail: diamant-78@list.ru, iren555stav@yandex.ru*

Данная статья посвящена экзоцентрическим композитам в немецком и русском языках как одному из аспектов порождения новых лексических единиц с развернутой смысловой структурой. В статье обсуждаются морфологические особенности порождения композитов немецкого языка с точки зрения компонентной деформации сложных слов с многозначными компонентами. Продуктивность словосложения немецкого языка обнаруживается в том, что среди сложных слов существует достаточно много не зафиксированных в лексикографических источниках окказионализмов, возникающих в речи соответственно намерениям адресанта и выполняющих особые функции в текстах различных жанров. Данного вида сложные образования позволяют представить их в виде определенных лексико-семантических полей. В статье подробно рассматриваются вопросы структурно-фонетической организации экзоцентрических композитов в немецкой обиходно-разговорной речи.

Ключевые слова: экзоцентрическое словосложение, композит, коллоквиализм, обиходно-разговорная речь, компонентный состав

STRUCTURAL AND PHONETIC CHANGES OF INITIAL COMPOSITES AS A KEY FACTOR OF EXOCENTRIC UNITS DERIVATION IN GERMAN EVERYDAY COLLOQUIAL SPEECH

¹Nagamova N.V., ²Chepurina I.V.

*¹North-Caucasus Federal University, Stavropol,
e-mail: diamant-78@list.ru, iren555stav@yandex.ru*

This article is devoted to exocentric compounds in German and Russian as one of the main aspects of new lexical units derivation with extensive sense structure. The morphologic features of German compound derivation in the context of component deformation of the stemcompounds with polysemous elements are discussed in the article. The Efficiency of German word composition process is defined in the following, there are many occasional words not recorded in lexicographic sources amount the stem-compounds, which are arising in the speech acts according to intentions of the sender and discharging special functions in texts of various genres. This type of complex structures allow us to represent them in the form of certain lexical and semantic fields. The problems of the structural and phonetic organization of exocentric composites in German everyday colloquial speech are considered in the article.

Keywords: exocentric compounding, composite, colloquialism, everyday colloquial speech, volume components

Вопрос о месте и роли обиходно-разговорной речи в системе немецкого национального языка, особенностей ее лексикона и его развития все чаще стал привлекать наибольшее внимание германистов преимущественно во второй половине прошлого века (В.Д. Девкин, Б.А. Малинин).

Отвечая на вопрос, почему носители немецкого языка прибегают к разговорной, а не к нейтральной лексике, отечественный германист В.Д. Девкин считает, что говорящие ориентируются на создание простой, свободной, неофициальной атмосферы, где можно выразаться привычнее, проще, понятнее. Говорящий следует неписаной моде говорить как все, но выразаться при этом оригинальнее, моднее, красивее, озорнее и т.д. [5].

Обиходная речь постоянно вырабатывает и вырабатывает в рамках языка новые, более прогрессивные, часто унифицированные языковые средства для оформления языковой информации. Это в равной мере присуще как морфологии и синтаксису, так и словообразованию, причем последнее обладает, в силу функциональных особенностей разговорной речи, рядом специфических черт. «Выбор средств вербализации, т.е. сам язык, может быть адекватным и удачным или же не быть таковым в отличие от собственно константы интуитивности, она стоит особняком и отдельна от языковых средств, хотя и дает нам возможность ощутить присутствие продуцента текста, именно по отношению к ней вербализованный текст учения или концепции служит

лишь путем к пониманию» [1, с. 15]. Так, эмоциональность высказывания может реализоваться словообразовательным путем при употреблении коллоквиально – окрашенных словообразовательных средств, обладающих большей экспрессивностью, чем стандартные; непринужденность находит свое выражение, например, в употреблении таких словообразовательных моделей, которые или совершенно не представлены в других стилях, или же лексическое наполнение которых представляет отклонение от общепринятых норм словообразования на уровне языка; стремление к юмору, насмешке, сатире, постоянно присутствующих в контексте обиходно-разговорной речи, выражается в употреблении слов, построенных по моделям как малопродуктивным, так и окказионального характера; стремление к сжатости, экономии языковых средств ведет к появлению различного рода сокращений, усечений, контаминаций, редуцированию исходных форм, скрещиванию слов и т.п. [2].

Немецкая обиходно-разговорная речь как форма проявления национального языка обладает своим специфическим лексиконом, одной из основных черт которого является стремление к языковой экономии путем сжатия семантического содержания в более компактных структурах, что приводит в итоге к сжатию передаваемой информации. Наличие определенных сложных слов, сращений и сдвигов является результатом проявления тенденции к экономии языковых средств и компрессии информации в более короткой структуре, чем в словосочетании, состоящем из семантически адекватных компонентов.

Модели сложных слов обиходно-разговорной речи структурно аналогичны словообразовательным моделям языкового стандарта. Однако внутренняя валентность словообразовательных компонентов в форме основ или слов обусловлена и предопределена контекстуально, часто отличаясь от привычной внешней валентности каких-то лексических единиц. В композиционные отношения вступают логически и семантически невалентные слова. Так, вещественное определяющее соединяется с неодушевленным или вообще живым существом: *Blechkuh* – консервированное молоко, *Pappkamerad* – мишень.

Как известно, в отношении сложных слов существует два мнения. Композиты могут быть неидиоматическими (эндоцентрическими), значения которых представляют простую сумму значений составляющих их слов. «В подобном случае продуцент прибегает к механизму дифракции смысла,

и здесь прежде всего речь идет о композитах и производных, на основе повторной реэтимологизации компонентного номинативного состава суперконструкта. Если говорить в традиционном языковедческом смысле, обращая внимание лишь на внешнюю форму и содержание безотносительно номематического аспекта рассмотрения суперструктуры, он высвобождает слово из той семантической группы, в которой оно находится, и снова складывает его смысл из смысла его компонентов. В случае с композитами они понимаются на основе смыслов, входящих в него частей» [1, с. 287]. А композиты идиоматического вида, значение которых не выводимо из значений составляющих его слов, рассматриваются как экзоцентрические. При этом компоненты экзоцентрических композитов сами по себе представляют собой стилистически нейтральные слова, но все образование лишено всякой логики соединения их в сложное слово, во-первых, и не может быть трансформировано даже формально в синтаксическую группу, во-вторых. Так, невалентны существительные *Hund* и *Buchstabe*, называющие в форме композита *Hundebuchstabe* букву «R», где скрыто звуковое обозначение рычания собак. Этот композит не может быть трансформирован в атрибутивное словосочетание: это не *Buchstabe des Hundes*, *der Hunde*, *für Hunde* и т.п.

Для обиходно-разговорной речи немецкого языка, как и любого другого языка, типично употребление лексики, ориентированной на выражение своего отношения к называемому объекту, которое может носить экспрессивно-оценочный характер, тяготеет к юмору, сатире, насмешке и т.п. Иногда эти функции может выполнять даже необычная словообразовательная структура – усеченная или удлиненная, устаревшая или только что появившаяся и т.д. «При образовании некоторых экспрессивных единиц новой семантики по окказиональным или «игровым» деривационным моделям и слов общей лексики в большинстве случаев (как в случае внутрилингвокультурного так и межлингвокультурного понимания) присущ один и тот же инвентарий словообразовательных средств, но на отдельные словообразовательные элементы ложится иная нагрузка, способная стать наиболее информативно-насыщенным элементом семантики и ведущим признаком номинации» [1, с. 357].

Причиной появления этих структур может быть своего рода игра со словами, шутливое словообразовательное моделирование на какой-то данный момент речевого общения. Но, появившись, однажды, новое

образование может быть зарегистрированным в произведениях художественной литературы, звучать с экранов, быть зарегистрированным лексикографически, обычно с какой-либо стилистической пометкой, специальным словарем. Так, выражение *warmer Hundedreck* с контекстуально обусловленной семантикой *warmer Händedruck* отмечено многими словарями [4, с. 6].

Предлагаем следующую классификацию структурно-фонетических способов создания экзоцентрических композитов:

1. Перестановка компонентов существующих композитов нейтрального слоя лексики:

Leichenzehrer из *Zeichenlehrer*, где наличие коннотативная нагрузка к семантике исходного слова (пожиратель трупов);

Grinderhund из *Kintergrund* с шутильной коннотацией (*Grinderhund* – шелудивый пес);

Rattenschiß из *Schattenriß*, где первое «крысиный помет», а второе «силуэт».

Эти новообразования представлены в шутивно-каламбурном предложении:

Unser Leichenzehrer zeichnet im Grinderhund den Rattenschiß seiner fröhlichen Sau, что в привычном для нас виде должно было быть: *Unser Zeichenlehrer zeichnet im Hintergrund den Schattenriß seiner seligen Frau* (силуэт своей покойной жены).

Звукоперестановка типа *fröhliche Sau – selige Frau* представлена и в шутивном предложении, сказанном якобы взволнованным режиссером театра, что в связи с какими-то обстоятельствами заявленная пьеса не может быть поставлена: *Das angestückelte Kind kann nicht aufgeführt werden* вместо *Das angekündigte Stück kann nicht aufgeführt werden*.

Несколько вульгарным на взгляд иностранца может показаться композит *Scheiße-reibmaschine* из *Reiseschreibmaschine*, лексикографически закрепленные словарем [3].

2. Изменение начальных звуков исходного композита:

Sauspiel из *Schauspiel*, где через *Sau* (свинья) дается оценка пьесы. Отмечен плохой, по мнению говорящего, театр, именуемый как *Sauspielhaus*;

Trichterfelde Rest было образовано для наименования сильно пострадавшего от воздушных налетов района Берлина *Lichterfelde west*, где *Trichter* – воронка от бомбы, а *Rest* – оставшееся после бомбардировки.

Образуемые по этой модели композиты могут получать новое, совершенно иное значение. Так, *Saufsteg* образовано на основе *Laufsteg* (подиум для показа моделей) со значением «стойка бара» (от *saufen* – пить).

По модели и схожести в звучании с *Kaufhaus des Westens* созданы берлинские

ойконимы *Lauthaus des Westens* (ледовый дворец от *Eislauf*) и *Taufhaus des Westens* для руины церкви в память кайзера Вильгельма Первого (от *taufen* – крестить).

В языке школьников *Kinderschule* переструктурировано в *Schinderkule*, где соединились понятия *Schinden* (мучить) и *Kule* (яма).

Экзоцентрическим характером обладает и *Zanktippe* (сварливая женщина) от имени жены Сократа (Хантиппа), обладает якобы плохим характером.

3. Изменение разных позиционных звуков исходного композита. Так, из *Volksvertreter* (представитель от народа) создано *Volkszeretreter* (человек, который «топчет» народ). Солдатская кааптерка *Kleiderkammer* переделана в *Kleiderjammer* (жалость, а не одежда). Официальное *Verkehrssignal* – знак, сигнал на транспорте изменен в *Verzehrssignal* (указание на упаковке срока годности, «съедобности» продукта). Композит *Dreckfehler* и *Druckfühler* – параллельные шутильные формы от *Druckfehler*. И название спичек плохого качества заложено в *Streichhölzer* от *Streichhölzer*, где *streiken* – бастовать. Интересно, что по неизвестной причине это понятие отражено в целом ряде экзоцентризов: *Streikholz*, *Streikbalken*, *Streikbolzen*.

Несколько вульгаризированными являются *Schisssoir* от *Pissoir* и *Scheißblongü* от *Chaislongue*.

Сюда же относится и наименование галстука *Schlindebips* из *Bindschlips*, обладающее высокой степенью экспрессивности благодаря необходимости звучания и отсутствия какого-либо семантического соответствия обоим компонентам новообразования.

4. Изменение качества гласного (краткости на долготу):

Zivilverdienstorden переосмыслен в *Zuvielverdienstorden* (уже слишком заслужен).

Не являющиеся композитами существительные могут стать экзоцентрическими сложными словами путем фонетического изменения:

Filarmonie переструктурировано в *Vielharmonie* в значении «супружеская спальня»;

Visitte становится *Viehsitte* (скотский обычай, если иметь в виду непрошенных гостей).

5. Расширение звукового состава исходного слова:

Адрес незаконного притона *Deckadresse* переосмыслен в *Dreckadresse*;

Destillation – небольшая пивнушка (берл.) становится *Durststillation* (утоление жажды);

Stipendium превращается в *Stippelpendium*, где *Stippel* – болван.

6. По звуковой схожести образованы *Blechpantone* от *Blechponton* (металлический понтон) и *Spinatorgel*, где *Spinat* созвучно *Spinett* (небольшой цимбал), а весь композит называет рояль. Второе название рояля *Spinatkommode*. В языке солдат из *Ritterburg* образовано *Tripperburg* – венерическое отделение военного госпиталя.

7. Немногими единицами представлены шуточные образования на уровне игры со словами *Staubsäugling* от *Staubsauger* и *Telewischen* по английскому звучанию *television*. *Telewischen* расширено далее в *Tellerwischen* (мойка посуды, посудомойка). Из *Frühstück* создано название позднего завтрака *Spätstück*, а из *Zeitung – Zeitung* – грязная газетенка, где *Dung = Mist*, навоз.

К данной группе композитов относится ряд слов, соответствующих понятию «кинематограф». Так, уже в начале XX века появилось, по свидетельству Г. Кюппера в его словаре, существительное *Kintopp*, впоследствии по синонимической аналогии *Topf* и *Pott* переконструированное в *Kinpott*. А в годы первой мировой войны *Kintopp* получило и второе значение – «стереотруба», «бинокль». Слово это в значении «кинотеатр» и до сих пор живет на своей родине в Берлине:

«*Ich jeh nämlich int Kintopp ...*»

«*Kintopp! Dit is jeistije Nahrung!*» [4].

8. Изменение заимствованных лексических единиц:

Экзоцентрическими единицами здесь являются *Orchestersause* из англ. *Worcestersause* (соус из бобовых, вызывающий вздутие кишечника); *Eierfotze* из англ. *Royal Air Force*, где *Eierfotze* созвучно с «пасть для яиц»: *Eierschuh*, созвучно с «ботинки для яиц», является искаженным английским названием мясной тушёнки *Irish stew*.

Анализ показывает, что основная масса рассмотренных образований семантически не отличается от исходных композитов, что позволяет нам отнести их в словарном плане к параллельным формам слов, а в употреблении – к контекстуальным синонимам. Так, *Leichenlehrer* и *Zeichenlehrer* – это две формы выражения одного и того же понятия.

Новыми словами можно считать образования типа *Saufsteg* от *Laufsteg*, где семантика не входит в синонимическое пространство. *Viehssitte*, *Volkszertreter* и *Verzehrssignal* и др. относятся к новым образованиям общедно-разговорного характера.

Таким образом, являясь по своему характеру результатом проявления тенденции к экономии, экзоцентрическому композиту

свойственна не только высокая экономичность за счет сжатия обычно широкой информации в одной структуре, но и экспрессивность за счет необычности создания образности путем структурного или звукового изменения исходных основ.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации: монография. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
2. Девкин В.Д. Занимательная лексикология. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1998. – 312 с.
3. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. – М.: ЭТС, 2002. – 408 с.
4. Малинин Б.А. Некоторые вопросы коллоквиального словообразования современного немецкого языка в свете теории экономии языковых средств: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск – М., 1972. – 192 с.
5. Braun, P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. – Stuttgart, Berlin: Verlag W. Kohlhammer, 1987. – 268 p.
6. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. – Hamburg: Claassen Verlag, 1967. Bd. 5. – 377 p.
7. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. – Hamburg: Claassen Verlag, 1970. Bd. 6. – 438 p.
8. Stave J. Stube und Küche. – Berlin: Eulenspiegel Verlag, 1988. – 288 p.

References

1. Bredihin S.N. Nojematicheskaja ierarhija filosofskogo teksta v aspekte smysloporozhdenija i interpretacii: monografija. Stavropol': RIO IDNK, 2014. 392 p.
2. Devkin V.D. Zanimatel'naja leksikologija. M.: Gumanitarnyj izdatel'skij centr «Vlados», 1998. 312 p.
3. Devkin V.D. Nemecko-russkij slovar' razgovornoj leksiki. M.: JeTS, 2002. 408 p.
4. Malinin B.A. Nekotorye voprosy kollokvial'nogo slovoobrazovanija sovremennogo nemeckogo jazyka v svete teorii jekonomii jazykovyh sredstv: dis. ... kand. filol. nauk. Pjatigorsk M., 1972. 192 p.
5. Braun, P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Stuttgart, Berlin: Verlag W. Kohlhammer, 1987. 268 p.
6. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Hamburg: Claassen Verlag, 1967. Bd. 5. 377 p.
7. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Hamburg: Claassen Verlag, 1970. Bd. 6. 438 p.
8. Stave J. Stube und Küche. Berlin: Eulenspiegel Verlag, 1988. 288 p.

Рецензенты:

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор кафедры русского языка, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Работа поступила в редакцию 06.10.2014.